

рые не совсем верные обобщения, где они есть, надо убирать. Это нетрудно сделать при редактировании очерков.

Неярко выписаны учителя, похожи друг на друга своими мыслями, характерами. Более или менее виден только Михай Иванович с его бессонницей. Другим недостает каких-то индивидуальных черт.

В главе о павшей кобыле и прокуратуре автор не свел концы с концами, замахнулся на какой-то большой разговор и не довел его до необходимых выводов.

Слишком растянута глава именин, много в ней пустых подробностей. Это стенограмма застольных разговоров без выжимки главного. Последняя же главка — «Конец — всему делу венец» — просто не нужна, ничего не добавляет к выше написанному и не завершает.

14/IV 1960

О ПОВЕСТИ В. ТЕНДРЯКОВА «ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ»

В повести много хороших мыслей, она берет за душу горячей взволнованностью автора и остротой поставленных вопросов. Но не додумана она до конца.

Махотин пороки нашей антирелигиозной пропаганды (и, может быть, не только антирелигиозной) осудил правильно, но и сам не нашел лучших форм. Диспут с переодеванием учителя в попа — ерунда, дело не серьезное, детская игра, в жизни, кроме дурашливого смеха, это ничего не вызвало бы, люди, поглядев на это ребячество, сразу бы разошлись, диспут провалился бы. Не случайно автор и не показал его в повести. Он просто не знал, что писать об этом диспуте, в глубине души, видимо, чувствуя и неправдоподобность и компромиссность своего замысла. Не с бутафорским попом спорить, а настоящего попа надо было бы рискнуть Махотину (и автору) затащить в школу, да, может быть, еще и староверов каких-то, и вот с ними если бы схлестнулись учителя, на глазах у учеников и их родителей! Пока идет бюро и там распинают Махотина — в школе вечер заканчивается блестящей победой учителей над попом. (Может быть, сначала перегрызлись поп и староверы, а потом учителя разбили уже их поодиночке?) И надо этот диспут дать в повести, не обходить самое интересное для читателя.

Если уж заговорил автор о нашей пропаганде, о том, что без спора она мертва, то и в повести ему и его героям надо спорить не с подставными, а с настоящими противниками. Если он пойдет на такое обострение темы, тогда в повести все станет на ноги. И можно будет найти для нее хороший конец. Сейчас конца нет, впечатление такое, что автор просто не нашел, на чем поставить точку.

3/Х 1960

О СБОРНИКЕ ОЧЕРКОВ
Г. РАДОВА «ЧАС И РУБЛЬ»
(«НОГО ЛЮБЯТ»)

Ни то, ни другое название, мне кажется, для сборника не подходит. Автору надо поискать что-то другое, более привлекающее внимание читателя и полнее обнимающее содержание очерков.

Сами же очерки — хороши и, безусловно, заслуживают издания. Они отвечают в какой-то мере и на обращение «Правды» к писателям насчет создания документальных художественных произведений о героях наших дней.

Критика, в общем, не обошла своим вниманием очерки и рассказы Г. Радова, их немало хвалили в печати. Но все же они заслуживают более крепкого разговора о них и более широкого распространения в читательских массах. Мне хочется отметить то, о чем меньше всего говорилось в статьях критиков, — *полезность* очерков Г. Радова для дела подъема сельского хозяйства. Председатель колхоза, агроном, директор совхоза, секретарь райкома, а возможно, и обкома в каждом его очерке найдут богатую пищу для размышлений и практических выводов. Таковы очерки и «Час и рубль», и «Штурм ядра», и «Станичное лето», и «У трех морей», и другие.

У автора — острое чувство нового, хорошее видение насущных проблем, и у него хватает мужества поднимать в очерках вопросы, до него пока никем не затронутые.

Вот очерк — «Целинная история». Много писателей побывало за эти годы на целине, много нухлых романов уже написано из жизни целинников. Но никто из авторов не нашел в себе достаточно храбрости сказать, что одной штурмовщиной на целине жить нельзя и пришло время